

УДК 81'38; 801.6; 808

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-91-98

СТРУКТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ФЕМИННЫХ СРАВНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»

Ли Яньфэн

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск
Гуансиский медицинский университет, Наньнин, Китай

Актуальность исследования обусловлена устойчивым вниманием лингвистов к дискурсу женской прозы и к особенностям использования составляющих функционально-семантических категорий, в том числе категории «компаративность», в языке художественных произведений. Рассматривается участие разноструктурных сравнений в описании женских героинь в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого». Структурное разнообразие сравнений представлено в рамках функционально-семантического поля компаративности. Все формы компаративов присутствуют в языке романа, преобладают союзные сравнения по сходству. Из сравнений по различию встречаются формы степеней сравнения, отрицательные параллелизмы. Гендерный подход к описанию феминно-маркированных компаративов помогает выявлению идиостилевых черт писателя, а именно: тенденция к распространению и конкретизации образа сравнения; использование сравнений для сопоставления героинь; авторская смелость и откровенность компаративных образов и их аллюзивность; аксиологические различия между феминными сравнениями в речи героев и в речи автора. Обращено внимание на текстообразующую функцию компаративов в широком понимании в языке романа Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого», а именно на прием «соотношение тропов и реалий».

Ключевые слова: гендер, феминное сравнение, способы выражения семантической категории «компаративность», аллюзии, роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого».

В русистике сравнение представлено в трех взаимообусловленных ипостасях: 1) как риторическая, стилистическая фигура речи, которая может быть основанием для возникновения в речи других тропов (метафоры, гиперболы, литоты, аллегории, эпитета); 2) как когнитивный феномен, отражающий основную, наряду (и вместе) с предикацией – основную мыслительную операцию; 3) как определенная грамматическая конструкция, центральное проявление которой в синтаксисе связано со сравнительным оборотом в простом предложении или сложноподчиненным предложением со сравнительным придаточным, а в морфологии – с формами степеней сравнения качественных прилагательных и наречий.

Для данной работы прежде всего значимы первая и третья ипостаси понятия «сравнение», которые предполагают обращение к языку художественного текста.

В структуре сравнения выделяют три компонента: 1) предмет сравнения (основной/опорный субъект); 2) образ сравнения (дополнительный/вспомогательный субъект); 3) основание сравнения, его модуль (признак сходства/различия) [1–4 и др.].

Рассматривая сравнения в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», учитываются знания о функционально-семантическом поле (ФСП) компаративности [3, 5, 6]. Вся совокупность средств выражения сравнения по сходству и по различию образует функционально-семантическое поле (ФСП) компаративности (от лат. comparativ – сравнение). Тер-

мин «компаратив» используется в широком понимании как единица ФСП компаративности (узкое понимание этого термина соотносится с формами сравнительной степени прилагательных).

Сравнения, отмеченные соответствующими показателями: союзами, предлогами, полужаменательными словами типа *похож, подобен, походить, напоминать*, аффиксоидами (*грушевидный нос; дынеобразный животик*), формами степеней сравнения качественных прилагательных и наречий, составляют центр ФСП компаративности.

Околоцентральной слой этого поля включает словообразовательные сравнения, выраженные признаковыми словами, мотивированными именами существительными, обозначающими образ сравнения (*по-лисы, по-онегински, разлимониться, озвереть, детская улыбка старика = улыбка как у детей / как у ребенка*). Периферийные участки ФСП компаративности составляют материально немаркированные сравнения, которые соотносятся с определенными словоформами: творительный сравнения (*лететь стрелой, брови домиком*), родительный сравнения (*у Петра Великого усы kota*), или соотносятся с позицией сказуемого, т. е. предикативные компаративы (*Таня – серая тонкая птица*). Эти сравнения граничат с метафорой. Метафоры включаются в глубокую периферию ФСП компаративности [5, с. 107–160]. В китайской лингвистической традиции метафора интерпретируется как «опосредованное сравнение» [7, с. 13–14].

В данной статье мы останавливаемся на сравнениях, «мишенью» которых является существо женского пола в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», и надеемся на то, что гендерный ракурс описания структуры сравнений позволит ярче определить идиостилевые особенности писательницы, тем более что интерес к «женскому письму» активно проявляется в последние десятилетия [8–12 и др.].

В гендерных сравнениях маркируется специфическая характеристика мужских (маскулинных) и женских (феминных) качеств человека – происходит уподобление реальных (или воображаемых) женщин и мужчин предметам мысли, соотносящимся с полом (*он, как петух/Аполлон; она, как курица/Венера*) или не соотносящимся с полом (*он/она, как бревно*). Такие уподобления учитывают гендерные метафорические понятия «женственность» и «мужественность» (то есть *феминность* и *маскулинность*), объединяющие представления не только о физических, но и всей совокупности духовных качеств и свойств мужчины и женщины [10, с. 80].

Гендерно маркированный образ может быть жестким, когда пол существа, с которым сравнивается человек, совпадает с его полом (*мужик, как бык*), и нежестким – когда образ сравнения может быть применен и к феминному, и к маскулинному лицу (*маленькая(ий) Женя, как ежонок*).

В романе Л. Улицкой находим большое разнообразие способов выражения феминного сравнения. Преобладают, как всегда, *союзные*; частотен модально окрашенный союз (*как будто*). Сравнительный оборот нередко осложняется придаточными предложениями, разного рода пояснительными структурами: *Спала теперь Василиса в сенях, у самой двери в покои изуменьи, на узкой лавке, просыпалась первое время по ночам каждые десять минут, как кормящая мать, которой все чудится, что ребенок заплакал* (С. 96)¹.

В следующем отрывке ирреальный присоединительный союз предположительности (*как будто*) вводит длинное поясняющее воздействие жесткого слова (*У тебя нет этого органа. Ты не женщина.*) доктора Павла Алексеевича на Елену. Парцеллированное придаточное включает несколько метафор, в том числе глаголов репрессивного воздействия: *Как будто сказанная мужем сгоряча фраза убила в ней все желания и отравила саму почву, из которой произрастает потребность в нежном прикосновении, в ласке, не говоря уж о супружеской близости* (С. 108). Данный контекст мотивирует последующее (медицинское) уподобление, которое тоже по смыслу согласуется с метафорическими «соседями»: *Обида эта со време-*

нем не росла и не уменьшалась, она проникла на глубину, и Елена жила с ней, как живут долгие годы с родимым пятном или опухолью (С. 108). Медицинский образ уподобления не раз встречается в романе: *Потом она [Тома] подмывала и вытирала бедную Елену, ловко и грубовато, как делают дешевые няньки в больницах* (С. 367).

Усложненность развернутых феминных сравнений в романе Л. Улицкой создается цепочкой разноструктурных форм выражения сопоставления и по сходству, и по различию, например, в описании взаимоотношений Тани с братьями Гольдбергами: *Ее игра была, в сущности, не совсем честной, как если бы, играя в шахматы, она, не оповестив противника, меняла на ходу правила игры и выигрывала, сбросив чужие фигуры с поля звонким щелчком большого и среднего пальцев... Именно это больше всего восхищало в Тани братьев Гольдбергов – вовсе не русые кудряшки и бодрое бомканье на пианино... Иерархия интеллекта оказалась, таким образом, не единственной шкалой, по которой распределялись ценности...* (С. 371).

Здесь можно наблюдать, с одной стороны, союзную конструкцию, развертывающую метафорический образ нечестной шахматной игры, маркированный составным условно-сравнительным союзом *как если бы*, с другой стороны – как реакцию восхищения на это ирреальное представление – развернутое отрицательное сравнение, выраженное аналитической формой превосходной степени (*больше всего*) и при участии частицы противопоставления *вовсе не*. Вывод в конце отрывка свидетельствует о стойкой черте авторской манеры – пояснять использованное сравнение.

Предложные сравнения обычно по количеству уступают союзным в художественной и разговорной речи, но в тексте романа Л. Улицкой они встречаются довольно часто. И в этих случаях тоже наблюдается компаративная насыщенность даже недлинной фразы. Так, бессоюзное *отрицательное* предикативное сравнение, характеризующее Таню, продолжается другой компаративной формой – при помощи предлога с семантикой приблизительности (*вроде*), подчеркивающей, вместе с прилагательным *редкостное*, восхищение автора, применившего яркие фито- и зоообразы: *Таня была не воробей и не подорожник, она была что-то редкостное, вроде королевской лилии или большой прозрачной стрекозы* (С. 73). Ср. переключку уподобительного образа: *Она (Тома) была из самых мелких, из недоростков, невзрачная и неценная, как воробей или подорожник...* (С. 73).

Используются предлоги и сходства (*в виде, вроде*), и различия (*по сравнению*): [*Братья Гольдбер-*

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся номера страниц по источнику: Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. 511 с.

ги] Если звали Таню в театр или в кино, то непременно тащились четвером, с бесцветной Томой в виде принудительного приложения к Таниному убойному обаянию (С. 368); Таня и Тамара на протяжении всего романа противопоставляются: А она, Тамара Полосухина, ничего подобного не имеет и даже, **по сравнению с елкой или ромашкой, ничего не значит...** (С. 177).

Таней восхищается и Павел Алексеевич, используя в сравнительном значении предлог *в*: *И он [Павел Алексеевич] отводил взгляд от жены, и смотрел на Таню, и улыбался ей – прелесть какая девочка, вся в мать, вся в Леночку... В прежнюю Леночку...* (С. 108).

Словообразовательные сравнения в романе Л. Улицкой представлены признаковыми словами, обычно мотивированными компаративами. Используются компаративные наречия, образованные от существительных, обозначающих образ сравнения; они характеризуют поведение героини, например: *Они [Тома] с Таней радовались солнцу и морю по-щенячьи, совсем без мыслей, плескались, плавали, загорали* (С. 173); *Тома разбудила Таню очень рано. Она всегда просыпалась по-деревенски легко* (С. 153). *По-щенячьи*, то есть как щенки; *по-деревенски*, то есть как в деревне.

Используются окачественные относительные и притяжательные прилагательные, мотивированные существительными, указывающими на образ подобия, например: *пуговичный глаз Василисы* – о ее единственном, выпученном от удивления зрячем глазе, напоминающем пуговицу. В китайской лингвистической традиции сравнения, в которых признак сходства не называется, интерпретируются как «неявные», «скрытые» [13, с. 15–16].

Приведем еще примеры: – *Папа, ты ничего не понимаешь! – выкрикнула она [Таня] ему в грудь. И убежала, оставив Павла Алексеевича в озорчении: девочке двадцать лет, а поведение подростковое...* (С. 315). *Подростковое*, то есть как у подростка. *Даже внешне Елена стала постепенно меняться: похудела, заострилась. Медленно-округлые движения, мягкий, с наклоном поворот головы, кошачья повадка устроиться в кресле, на кушетке, легко вписываясь телом в любой мебельный угол <...>* (С. 108). *Кошачья*, то есть как у кошки.

Словообразовательное «неявное» сравнение (*монашеского*), выраженное прилагательным, мотивированным существительным, называющим образ сравнения, становится частью причинно-следственной цепочки, состоящей из нескольких тропов (сравнений и метафор) и отражающей горькие размышления Павла Алексеевича о наступившем разладе с Еленой после их неожиданной ссоры: *И домашняя жизнь сохраняла лишь общую формулу, пустой панцирь былого семейного сча-*

стья... Не того, достигшего их в середине войны, в Сибири, длившегося целое десятилетие, до самого пятьдесят третьего года, которое, как затонувший корабль с награбленным золотом, погрузилось на дно памяти, а последовавшего за ним другого, монашеского и немногословного, без прикосновений, почти на одних только понимающих взглядах построенного союза... (С. 332). Компаративная цепочка предложений включает: распространенную генитивную метафору (*пустой панцирь былого семейного счастья*), объемный сравнительный оборот, соотношенный в пределах придаточного определительного с распространенной глагольной метафорой (*погрузилось на дно памяти*) и «неявного» (словообразовательно-метафорического) сравнения – *монашеского* (союза), которое тоже обильно поясняется.

Следующее аллюзивное словообразовательное сравнение имплицитно передает отношение (в частности, тонкую иронию) автора к определенному типу женщин, которые хотят показать причастность (хотя и опосредованную) к привилегированному слою в обществе: *Он (Кукоцкий) вошел. Секретарша ренуаровского колорита, сияя жемчужно-розовым лицом, просила подождать* (С. 38). Можно трансформировать: *напоминающая цветное изображение женщин на картинах французского художника Ренуара*. Второе словообразовательно-метафорическое сравнение (*жемчужно-розовое*) и метафора (*сияя*) поддерживают цветно-световое впечатление картин художника.

В прилагательных (*мышевидная девочка* (о Томе), *грушеобразный светильник*) с аффиксоидами *-видн(ый)*, *образн(ый)*, указывающими на визуальный признак сходства (сходство по форме), проявляется только сравнение, в то время как в вышеуказанных словообразовательных дериватах (*подростковый, кошачья, монашеский*), в которых признак сходства не вербализован, метафора и сравнение полностью не разграничены, – это «неявные сравнения» [7, с. 13–14]. Приведем примеры: *Она [Таня] опускала в деликатно открытый рот ребенка коричневым фасолевидный сосок и старалась внушить тугому свертку, что они любят друг друга, мать и дочь, и будут радоваться друг другу, и друг другу принадлежать, но не безраздельно...* (С. 438); *Червеобразный отросток лопнул, гной излился в кишечную полость. Перитонит. Это было то самое, что видела и Валентина Ивановна* (С. 19).

Феминные характеристики создаются в романе и особыми падежными формами (в которых сравнение и метафора не разграничены) – словоформами творительного и родительного падежей имен существительных.

Творительный сравнения соотносится с выражением признака сходства, который выражается

глаголом, а также определениями, если образ сравнения распространенный, например: *Таня серой тонкой птицей порхала вокруг стола, всем раскладывала на тарелки еду...* (С. 445). Приименной творительный образно характеризует особенности внешности героини, и его употребление не обязательно связано с признаком сходства: *Мама [Елены] же, напротив, на девичьих фотографиях не так хороша собой – лицо тухленькое, глаза небольшие, нос картошечкой* (С. 112).

Приведем еще примеры: *Стоило Валентине стать на беговые лыжи, как неуклюжесть ее куда-то подевалась, и она показала ему изумительной молнией в темно-синем олимпийском костюме и натянутой до самых сияющих глаз лыжной шапочке клином к переносице* (С. 336). В данном случае использован адвербиализованный творительный сравнения (*клином*), поэтому с ослабленным значением уподобления. Что касается структуры, похожей на творительный сравнения (*показалась ему изумительной молнией*), то это явление другого порядка, а именно: бессоюзный компаративный предикат, отмеченный модально окрашенным лексическим показателем уподобления (*показалась*). Ср. использование бессоюзного сравнительного предиката (тоже в форме творительного падежа), но без лексического показателя; образ сравнения введен глагольной связкой (*была*) и подчеркнут метатекстовой частицей *просто*: *Я [Елена] просто была песчинкой в бесконечном потоке, и то, что происходило, я догадалась, как раз и называлось «вечность»...* (С. 119). Творительный же уподобления обычно зависит от полнозначительного глагола и является обстоятельством образа действия или, примыкая к существительному, является несогласованным определением (*нос картошечкой, шапочка клином*). В составе устойчивого оборота творительный уподобления входит вместе с глаголом в состав сказуемого: *Слова Павла Алексеевича о ее женской неполноценности сидели занозой в душе Елены* (С.104).

Родительный уподобления: *<...> ее [Валентины] спортивный напор подкрепляла внутренняя твердость стариков – она происходила из раскольничьей семьи. Один из ее предков сопровождал протопота Аввакума в знаменитом его путешествии, с тех пор семья осела в Сибири и более двухсот лет, принимая всяческие гонения, упорствовала в своей вере и производила сильное и многочисленное потомство* (С. 334). *Твердость стариков* можно трансформировать: *твердость как у стариков*.

Елена, используя утвердившуюся в романе компаративную зоохарактеристику Тома (*мышь*), соединяет с ней все свои «пережитые несчастья»: *Взгляд Елены то и дело натывался на шуплую де-*

вочку с повадками мелкого грызуна, беззлобную, безответную, жалкую донельзя, косвенную виновницу семейного крушения, которое оказалось для Елены горше всех пережитых несчастий: смерти родителей, бабушки, мужа, больше смертельной болезни и даже больше самой войны (С. 109). Можно трансформировать: *с повадками, похожими на поведение мелкого грызуна*. Здесь мы снова наблюдаем подробнейшее пояснение образа уподобления, свойственное авторской манере письма.

Частотны в романе Л. Улицкой бессоюзные **предикативные компаративные образы**, о которых мы уже упомянули выше. Они соотносятся с понятиями: «метафорическое предложение», «художественная дефиниция», «филологическая метафора» [14]. Их присутствие в тексте связано, с одной стороны, с синтаксической структурой, свойственной **сравнению**: подлежащее соотносится с предметом сравнения, а сказуемое – с образом сравнения. С другой стороны, маркера уподобления нет, содержание образа сравнения и невербализованного признака сходства сливаются в одной метафорической номинации. «Филологическая метафора» (или «неявное/скрытое» сравнение в китаистике), предполагает наличие глагола-связки (*быть, стать, представляться*): *Бабушке было сильно за восемьдесят, на вид – древность, египетская мумия* (С. 127).

Образ уподобления (обычно оценочно характеризующий героиню) в рамках «филологической метафоры» в романе Л. Улицкой, как и другие формы компаративов, является достаточно конкретизированным, нередко с последующими, противительными рефлексиями, например: *Мальчики и не думали скрывать перед Томой, что она представляет собой принудительный ассортимент в празднике похода с Таней куда бы то ни было, но Тома по этому поводу и не огорчалась <...>* (С. 170).

Одна из особенностей в использовании «филологической метафоры» в романе Л. Улицкой – присутствие довольно откровенных образов феминного уподобления, например: *[Гена:] – На речку ходили... На лодке катались... В бадминтон играли... А ты выросла и стала сучкой. – Почему? – удивилась Таня. – Почему сучкой? [Гена:] – Потому что тебе совершенно все равно, с кем трахаться* (С. 383). С сатирически изображенной женщиной по прозвищу *Коняга* (она была министром здравоохранения) связан следующий пример употребления «филологической метафоры»: *Прозвище ей даже нравилось, и нередко, позволив себе в узком кругу изрядно вытвить, она любила приговаривать: – Да, да, русская женщина – конь с яйцами, ей все по силам!* (С. 35).

Подобные феминные образы уподобления без особых компаративных показателей структурно

синонимичны: 1) сравнениям с лексическими показателями (*похож(ий)*, *подобен(ный)*, *напоминать*), в том числе с модально окрашенными (*казаться*, *оказаться*); 2) компаративным предикатам, маркированным модальной сравнительной частицей, омонимичной сравнительному союзу. На пример:

1. *Пожалуй, она [дочь Тани] напоминала эжонка: длинный носик, слипшиеся иголочками пряди волос... (С. 449); Девочки, от которых она [Таня] ждала дружбы, оказались злыми обезьянами: они скакали вокруг нее, дергали за косы, тыкали пальцами и обидно смеялись (С. 50); Грудастая Коза рядом с ней казалась воробышком, и тетка сразу же прониклась к ним снисходительной нежностью (С. 403).*

2. *[Таня:] – Не прогоняй меня. Я на что-нибудь вам пригожусь... Гарик отмахнулся: – Ты прям как царевна-лягушка... В конце концов, это Серегино дело. Не мое... (С. 422); Этот целовальный обряд в Танины школьные годы преобразился в прощальный поцелуй перед уходом. Мимолетные касания, казалось бы, совершенно незначительные, были как мелкие гвозди, прочно сшивающие ежедневную жизнь (С. 32).*

Из тетради Елены: *Это темное место находилось в таком отдалении от Божьего мира, в такой невысказанной глуши, что сюда вообще не доходил свет, и я догадалась, что молитва вне света все равно что рыба без воды – дохлая... (С. 121).*

Феминная «филологическая метафора» проявляется и как аллюзивная: – *«Бедная Лиза!» – сказала она [Таня] вслух, заглянув в последний раз в яузскую воду. – Топиться не будем (С. 323).* Рефлексия на известную судьбу карамзинской героини выражена здесь опосредованно.

Заметим, что манере письма Л. Улицкой свойственна аллюзивность, связанная с русской классической литературой, часто с упоминанием о Пушкине: *Веснами Таня, как Александр Сергеевич Пушкин, плохо себя чувствовала: бессилие, усталость, постоянно липнувшая простуда. На этот раз к обычному весеннему недомоганию прибавилась непреодолимая сонливость и отвращение к еде (С. 390).* Приведем пример парцеллированного сравнительного оборота: *[Сергей – Таня] – Мне так нравится, мне ужасно нравится. Ты всегда будешь у меня ходить беременная и рожать все время... Как Наталья Николаевна... (С. 425).*

Отметим наличие аллюзивных компаративных прилагательных, образованных от собственного имени пушкинского героя, представление о котором становится образом сравнения: *Валентина терпела, терпела – и открылась в своем чувстве. Илья Иосифович был смущен и польщен, но с онегинским лукавством пробормотал нечто соот-*

ветствующее классическому объяснению на фоне девичьих хоров: «Когда б мне быть отцом, супругом приятный жребий повелел...» (С. 335).

Разноструктурные сравнения активно участвуют в когезии [15] романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Так, сложность, подчас неразгаданность душевного состояния Елены нередко передается цепочкой разноструктурных оформленных сравнений вместе с метафорами, например: *Да здесь что-то не то с системой координат – догадалась в какой-то момент Новенькая и обрадовалась, как радовалась всегда, когда в ее теперешнее существование вплеталась нить из прошлого, постоянно маячившего неподалеку, но находившегося как будто под замком, скорее как предмет веры, чем как реальность вроде здешних сухих растений, вполне осязаемого мелкого песка, который иногда попадал в глаза и долго раздражал своим присутствием слизистую (С. 223).* Сначала идет сравнительное придаточное с утвердительной модальностью, расширенное придаточным времени, включающим метафорическое словосочетание (*вплеталась нить из прошлого*), осложненное метафорическим причастным оборотом, потом присоединяется придаточное сравнения, отражающее предположительную модальность (*как будто...*). Ирреальность образа подчеркивается уточняющим началом сопоставительной конструкции, маркированной двухместной союзной скрепой *скорее как... чем*, которая, в свою очередь, включает предложную сравнительную структуру, введенную предлогом приблизительности уподобления *вроде*. Видение / сон Елены описываются ею при помощи ряда уподоблений с семантикой предположения, достраиваются и лексически (*как предмет веры*). Кроме того, в самом начале словосочетание «система координат» используется и в прямом (пространственном) значении, и (имплицитно) – в переносном, намекающем на сдвиг в сознании героини.

Один образ сравнения (с опорой на прямое употребление опорного представления) в тексте может мотивировать другой: *Заботливо разложенная (об Елене) на огромном белом полотне, она и сама чувствовала себя отчасти этим полотном, и легкие руки что-то делали, как будто вышивали на ней, во всяком случае, она чувствовала покалывание мельчайших иголок, и покалывание это было скорее приятным (С. 20).* В данном контексте сначала используется прямое значение опорного слова (*полотно*), затем оно появляется в форме творительного уподобления, потом следующее ирреальное уподобление (*как будто...*) мотивируется предыдущим (*на полотне, в которое якобы превратилась Елена, вышивают*), и далее снова наблюдаем прямое (хотя и через призму образа *вышивания*) употребление слов, отражающих ситуа-

цию производимой операции (*иглолочки, покалывание*). Соотношение тропов и реалий [16, с. 37–63] в данном случае как бы соединяется с предбудущей глубокой привязанностью героини к доктору, оперирующему ее (*покалывание это было скорее приятным*).

Соотношение тропа и реалии может проявиться в соответствии родового и видового понятия, например: *Тому совершенно не занимало, любят ли ее в новой семье. Она имела в доме свое место, скорее напоминающее место домашнего животного. В этом не было ровным счетом ничего обидного: в иных домах весь домашний миропорядок крутится вокруг собачки, которую поутру надо вывести, или кошки, которая ест только один определенный сорт рыбы* (С. 167).

Соотношение тропа и реалии в данном случае выражается при помощи лексически маркированного сравнения (*напоминающее место домашнего животного*) (приблизительность образа подчеркивается метатекстовым элементом *скорее*) и после-

дующим подробным появлением, включающим уточнение *собачку* (родовое – *домашнее животное* – соотносится с видовым).

Итак, обращение к понятию «ФСР компаративности» позволило представить многообразие структур сравнений, «мишенью» которых являются женские образы в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Широкое понимание термина «компаратив», в котором нет разделения на генетически близкие сравнения и метафоры, обуславливает целостность в установках автора давать уподобительные характеристики своим героиням при помощи маркированных и немаркированных сравнений. Обнаружены следующие особенности идиостиля писательницы в использовании феминных сравнений: развернутость, детализация компаративного образа, насыщенность текстового фрагмента разноструктурными формами сопоставления, соотношение тропа и реалии в тексте, аллюзивность, участие сравнений в противопоставлении героинь.

Список литературы

1. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / под ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1976. 272 с.
2. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М.: Либроком, 2015. 192 с.
3. Скворецкая Е. В. Компаративность: из истории средств выражения сравнения в русском языке // Семантический и прагматический аспекты высказывания. Новосибирск: Изд. НГПИ, 1991. С. 26–36.
4. Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 200 с.
5. Берков В. П. Компаративность // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 107–160.
6. Петроченко Л. А., Федоряева Н. О. О способах выражения категории компаративности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2006. № 9 (60). С. 45–51.
7. 韩庆玲. 隐喻研究漫谈[J]. 修辞学习, 1999, (第2期).
8. Хачмафова З. Р. Гендерная стратификация языка женской прозы (на материале русского и немецкого языков) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 186–196.
9. Коробейникова А. А. Внешний вид как составляющая поэтического образа мужчины (по данным лексической структуры лирических текстов А. Ахматовой и М. Цветаевой) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2008. № 16 (116). С. 89–94.
10. Резанова З. И., Комиссарова О. В. Метафора в моделировании гендерных оппозиций: методика, анализ, типология // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 80–90.
11. Воробьева С. Ю. Проблема «Женского стиля» в литературоведении (гендерный аспект) // Известия Саратовского ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, № 4. С. 87–91.
12. Монгуш Е. Д. Гендерная проблематика и ее художественная реализация в малой прозе Л. Петрушевской // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). С. 280–283.
13. 潘家云. 谈暗喻[J]. 修辞学习, 2001, (第6期).
14. Ахапкин Д. Н. Филологическая метафора в поэзии И. Бродского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 21 с.
15. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / под отв. ред. Г. В. Степанов. 9-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 137 с.
16. Кожевникова Н. А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Поэтика и стилистика, 1988–1990. М.: Наука, 1990. С. 37–63.

Ли Яньфэн, аспирантка, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Виллойская 45, Новосибирск, Россия, 630126); преподаватель, Гуансиский медицинский университет (Наньнин, Китай).
E-mail: liyanfeng@yandex.com

Материал поступил в редакцию 15.09.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-91-98

**THE STRUCTURAL DIVERSITY OF THE FEMININE COMPARISONS IN THE LANGUAGE OF THE NOVEL
THE KUKOTSKY ENIGMA BY L. ULITSKAYA**

Li Yanfeng

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
Guangxi Medical University, Nanning, China*

The significance of research is attributed to the constant attention of linguists paid to the discourse of women's prose and to the usage of the components of functional-semantic categories, including the category «comparativeness», in the language of artistic works. The article considers the participation of different structural comparisons in the description of the female characters in the novel *The Kukotsky Enigma* by Lyudmila Ulitskaya. The structural diversity of comparisons is presented within the functional-semantic field of comparativeness. All forms of comparatives are present in the language of the novel, with conjunctive comparisons by similarity prevailing. From comparisons on the difference, there are forms of comparative and negative parallelisms. The gender approach to describing femininely marked comparatives facilitates to identify idiostyle characteristics of the writer, namely the tendency to extend and concretize the image of comparison, the usage of comparisons for the comparison of heroines, the author's boldness and frankness of comparative images as well as the images' allusiveness, and axiological differences between feminine comparisons in the speech of the characters and in the author's speech. The article pays attention to the text-forming function of comparatives in the broad sense in the language of the novel *The Kukotsky Enigma* by Lyudmila Ulitskaya, namely to «the correlation of the tropes and realities».

Key words: *gender, feminine comparison, the methods of expressing the semantic category «comparativeness», allusions, Ulitskaya's novel The Kukotsky Enigma.*

References

1. Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka* [Comparative constructions in Russian]. Ed. by K. A. Timofeev. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoye otdeleniye Publ., 1976. 272 p. (in Russian).
2. Ogol'tsev V. M. *Ustoychivyye sravneniya v sisteme russkoy frazeologii* [Stable comparisons in system of the Russian phraseology]. Moscow, Librokom Publ., 2015. 192 p. (in Russian).
3. Skvoretzkaya E. V. *Komparativnost': iz istorii sredstv vyrazheniya sravneniya v russkom yazyke* [Comparativeness: from history of means of expression of comparison in Russian]. *Semanticheskii i pragmaticheskii aspekty vyskazyvaniya* [Semantic and pragmatic aspects of the utterance]. Novosibirsk, NSPI Publ., 1991, pp. 26–36 (in Russian).
4. Moskvina V. P. *Russkaya metafora. Ocherk semioticheskoy teorii* [Russian metaphor. Essay on semiotic theory]. Moscow, LKI Publ., 2012. 200 p. (in Russian).
5. Berkov V. P. *Komparativnost'* [Comparativeness]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar: Quality. Quantity]. Ed. by A. V. Bondarko. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. Pp. 107–160 (in Russian).
6. Petrochenko L. A., Federyaeva N. O. *O sposobakh vyrazheniya kategorii komparativnosti* [On the methods of expressing the category of comparativeness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2006, no. 9 (60), pp. 45–51 (in Russian).
7. Han Qingling. Study on metaphor. *The Rhetoric Study*, 1999, no. 2, pp. 13–14 (in Chinese).
8. Khachmafova Z. R. *Gendernaya stratifikatsiya yazyka zhenskoy prozy (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [gender stratification of feminine prose language (in the Russian and German languages)]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Hertzena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2010, no. 120, pp. 186–196 (in Russian).
9. Korobeynikova A. A. *Vneshniy vid kak sosstavlyayushchaya poeticheskogo obraza muzhiny (po dannym leksicheskoy struktury liricheskikh tekstov A. Akhmatovoy i M. Tsvetaevoy)* [The appearance as a component of the poetic image of man (according to the lexical structure of lyrical texts by A. Akhmatova and M. Tsvetaeva)]. *Vestnik YUUGU. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the South Ural State University. Series «Linguistics»*, 2008, no. 16 (116), pp. 89–94 (in Russian).
10. Rezanova Z. I., Komissarova O. V. *Metafora v modelirovani gendernykh oppozitsiy: metodika, analiz, tipologiya* [Metaphor in modeling gender opposition: methods of analysis, typology]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2012, no. 2 (18), pp. 80–90 (in Russian).
11. Vorob'eva S. Yu. *Problema «Zhenskogo stilya» v literaturovedenii (gendernyy aspekt)* [The problem of «feminine style» in literary criticism (Gender Aspect)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2013, vol. 13, no. 4, pp. 87–91 (in Russian).
12. Mongush E. D. *Gendernaya problematika i eye khudozhestvennaya realizatsiya v maloy proze L. Petrushevskoy* [Gender perspectives and artistic realization in small prose L. Petrushevskaya]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2011, no. 6 (31), pp. 280–283 (in Russian).
13. Pan Jiayun. On metaphor. *The Rhetoric Study*, 2001, no. 6, pp. 15–16 (in Chinese).

14. Akhapiin D. N. *Filologicheskaya metafora v poezii I. Brodskogo. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Linguistic metaphor in the poetry of I. Brodsky. Abstract of thesis of cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2002. 21 p. (in Russian).
15. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 137 p. (in Russian).
16. Kozhevnikova N. A. O sootnoshenii tropa i realii v khudozhestvennom tekste [On the relation between tropes and realia of the artistic text]. *Poetika i stilistika* [Poetics and stylistics. 1989–1990]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 37–63 (in Russian).

Li Yanfeng, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuskaya, 45, Novosibirsk, Russian Federation, 630126). Guangxi Medical University (Nanning, China). E-mail: liyanfeng@yandex.com